

Я набрала его номер третий раз подряд. Нет ответа, и я набираю снова, зная, кожей чувствуя, что Паша сейчас с той длинноногой рыжеволосой девицей, которая прижималась к нему плоским животом в коридоре университета. Я видела их, когда выходила из аудитории. Еще вчера я ночевала у него. Странно было видеть сегодня его с другой девушкой.

Я молча уставилась на них, не в силах сделать и шага. Было правильнее броситься и разнять эту парочку, может, надавать ему пощечин, отпихнуть рыжую, встать между ними жирным тире, показать, что я существую и нельзя игнорировать меня, целуясь у всех на виду.

Но я не могла этого сделать. Мы встречались с ним полгода. Почти каждый день после занятий я приезжала к нему домой, замирала в его комнате, словно собака в ожидании команд. Приготовить ужин — сделано. Целоваться — пожалуйста. Помочь написать реферат — конечно, я буду только рада. Ждала, когда он накрутит на пальцы прядь волос, заглянет в глаза и, смеясь, скажет: «Лика, ты моя». Этот романтический бред я видела снова и снова, но Паша лишь накручивал волосы на пальцы и распушал, будто нитки из клубка тонкой шерсти. У меня не было прав, не было характера, чтобы уйти. Иногда так и хотелось отрезать ножницами волосы, оставить ему на подушке темную змейку и хлопнуть дверью. Но я не умела уходить. И, глядя, как он обнимает рыжую девицу, я убежала под лестницу, что была в дальнем углу университетского коридора.

Паша не отвечал. Выходной день — и снова одна в квартире, заваленная тишиной, как старая игрушка за

шкафом, куда в кучу свалили ненужные вещи и чемоданы. Внутри сжималось и разжималось сердце, словно кто-то мял губку сильными руками. Мама всегда учила меня, что хорошо не будет. Кому-то везет, но не нам. Наша семья обречена на страдания. Наша семья... Всего-то два человека...

Мама и я. Вот и вся семья. Отец был, но весьма зыбким расплывчатым предметом маминых негодований. Мама любила отца те недолгие полгода, которые он провел с ней. Отец был плохим художником, работал в театре, устанавливал декорации. Постоянно выпивал по пятьдесят грамм водки в обед и страстно любил женщин. В них он видел вдохновение, подпитку творческой энергии, поэтому вдохновения часто сменяли друг друга. Отец рисовал, картины прятал за старый платяной шкаф, искал новую женщину, потом снова рисовал, выпивал и верил, что его работы имеют будущее. Может, однажды они будут висеть в картинной галерее, а не прятаться в темном нежилом углу. В кармане рубашки он носил мастихин. На кисти руки всегда было пятно краски — то синее, то красное. Символ его художественного духа. Подозреваю, что эти пятнышки он старательно рисовал каждое утро перед выходом на улицу. Плачевная карьера не убила в нем романтизм и веру в светлое завтра. Будучи неудачником, он являл собой неутомимого бунтаря против системы, общества, политической власти. Ему, казалось, важно было выступить против всех. Обожал шумные застолья, походы, друзей-собутельников, неплохо брэнчал на гитаре и даже, что вообще удивительно, вязал на спицах. Этому отца научила его мама, моя бабушка, умершая, когда ему было двадцать пять. «Если бы твой отец женился на мне, — говорила мне мама, — то свекровь у меня была бы редкостная сука». Вот и вся характеристика бабушки. О своих дедушках я вообще ничего не знала.

Мне, маленькой, ужасно не хватало людей вокруг. Хотелось, чтобы, как у всех, у меня были бабушки и дедушки, дарящие бесчисленное количество странных игрушек. Хотелось конфет и шоколадок из их рук, нудных нравоучений и новых запахов, будь то старая кофта или вязаное покрывало, засахаренные конфеты в вазочке или таблетки валидола.

Услышав про суку, я обрадовалась, что у меня есть только мама. Потому что с ней было непросто, и выдержать еще одну суровую женщину я, наверное, не смогла бы. Бабушка в моей жизни все-таки появилась, но гораздо позже, в тринадцать лет. Она была глубоко оскорблена тем фактом, что я родилась вне брака, от какого-то пьяницы, да при этом в силу чувств. «Блудница и проститутка», — только и вымолвила бабушка, когда мама позвонила ей, чтобы обрадовать внучкой. И пропала, окатив молчаливым презрением дочь и меня.

Отец оставил маму ночью. На часах было два, за окном лил дождь. Она лежала рядом с ним, уткнувшись носом в подмышку. Сказала, что беременна, что у них будет замечательный сын и, может, наконец, он сделает ей предложение. Уснула. Не слышала, как он тихо встал с дивана. Одедся, допил вино прямо из горлышка. На прощание не смыл за собой в туалете и ушел. Мама утром рыдала в голос, била рюмки, истошно кричала на балконе, что все мужики сволочи. Истерика длилась с семи до девяти утра. Это было воскресенье. Успокоившись, она принялась за уборку.

— Вычищу к черту твой дух, — злобно шипела она, вытирая пыль с полок. А внутри нее была я. У меня уже билось сердце, и я, покачиваясь в маминых водах, ощущала ее недовольную вибрацию. Нас объединяло ощущение весьма грустного будущего, грядущего одиночества. Мама, правда,

была уверена, что родится сын. Назвала меня Димкой, и, когда я родилась, когда акушерка сунула ей под нос мои ножки, она в недоумении спросила:

— А где писюн?

— Какой писюн, мамаша?! — гаркнула акушерка. — Девку родила!

— Несчастливая, — прошептала мама.

Назвала Анжеликой. Пока все вокруг называли девочек Танями, Ирами и Олями, мама решила, что раз девочка, судьба незавидная, всю жизнь метаться и маяться, то пусть хотя бы имя будет красивое. Желанное имя, любила говорить мама. С таким именем каждый мужик будет тебя желать. А желанных женщин не бросают. Отцу она послала открытку, в которой карандашом написала: «Поздравляю, теперь твое существование на земле оправдано, говнюк: ты стал отцом».

Отец приехал к нам домой, но мама его непустила. Он звонил и звонил в дверь, я орала от этого кричащего нарастающего звука, мама качала меня на руках, зажмурившись. Она знала, что если откроет глаза, то не выдержит и пустит его на порог. Расклеится, размякнет, бросится с поцелуями, начнет хвалиться дочерью, а этого всего не надо, не надо... Он бросил ее, и этот визит всего лишь любопытство, желание взглянуть на дочь как на единственное свое правильное и искусное творение. Отец перестал звонить, лег на коврик, откупорил шампанское и выпил всю бутылку в считанные минуты. Через полчаса его прогнала соседка, пригрозив милицией. Отец ушел, оставив на коврике у двери пластмассовую погремушку и пару беленьких пинеток.

Именно эти пинетки сломали мамину гордость, и спустя неделю она пустила отца к дочери. Она стояла возле

балконной двери, подальше от отца, чтобы его запах не коснулся крыльев ее носа. Отец всегда был такой — магически действовал на женщин, поэтому они всю жизнь его любили, равно как и ненавидели. Он был никем. Коллеги по цеху его обливали презрением, обзывали неудачником, но завидовали. «Чем берет, стервец?» — шептали за спиной, когда он обвивал талию очередной хорошенькой женщины.

Отец, казалось, был ошарашен мною. Стоял над кроватью, вцепившись в перила, смотрел, щупал глазами личико, улавливая малейшее изменение мимики.

— Наташа! Это лучшее, что случилось со мной! — он бросился к ее ногам. Мама сидела, подавленная, на диване, а отец целовал ее колени. Она, наклонившись вперед, сжимала пальцами его затылок.

— Ты кот, дворовый кот, Василий... — прошептала она ему. Отец жмурился. Многие женщины говорили ему об этом. Он обычно целовал их слегка вспотевшие ладони.

Отец помог зарегистрировать меня, вписав в метрику свои имя и фамилию, тем самым официально подтвердив, что он мой папа. Мама была очень счастлива. «Это, конечно, не замужество, но все же», — бормотала она, успокаивая саму себя.

Через три недели отец снова сбежал. Орущий ребенок, стирка пеленок — все это было не для него. Умиление сошло на нет, когда я срыгнула на свежевыстиранную рубашку отца. Мать старалась, как могла, и выглядела безупречно. Она даже кормила меня в нарядном сливовом платье с глубоким вырезом на груди. Лишь бы отец не видел измученную бессонными ночами, уставшую женщину. Ему показалось, что он сможет сыграть роль семьянина, но его ждало нечто большее, чем ребенок и женщина. Мама на этот раз была

спокойна. Она чувала, что упустила его. Вся эта роль папочки для него была своего рода забавой и экспериментом, не более.

Так мы остались вдвоем. Без алиментов, жили на маленькое государственное пособие. Мама штопала колготки, варила картошку на обед и ужин, сдавала бутылки из-под молока и покупала с выручки сладости. До развала «советов» еще было семь лет.

Жили мы в однокомнатной квартире огромного дома, называемого в народе «малосемейкой». В нем были длинные коридоры с шестью квартирами на каждом этаже, в которых на маленьких метрах ютились большие семьи.

Мама сделала для меня небольшой уютный уголок, отделив кровать от остальной комнаты шторой на карнизе. Карниз упирался одним концом в одностворчатый шкаф, что стоял у кровати, другим — в стену. Я всегда могла задвинуть штору и оказаться в своем мире. Часто на карниз мама вешала надо мной свои свитера и пиджаки на деревянной вешалке. В темноте строгий силуэт казался мне огромным чудовищем, подвешенным на тонкой веревке. «Девочка, ты почему не спишь?» — каждую ночь обращалось оно ко мне, и я в страхе жмурилась. Чудовище всегда следило за мной, иногда это очень пугало. А иногда мне казалось, что оно охраняет мой сон от других чудовищ, которые были гораздо страшнее — они поутру не превращались обратно в черный жакет, а навсегда оставались жить под кроватью в дальнем темном углу. Чтобы дожидаться следующей ночи и пробраться в мое сознание, разрушая его своими когтистыми щупальцами и острыми клыками.

Мама...

Она не собиралась становиться матерью в двадцать четыре года. Внутри нее горело желание любить. Женщина она была красивая, с кудрявыми светлыми волосами, пыльно-голубыми глазами. Часто звонко хохотала или громко рыдала. Балансировала между радостью и диким ужасом.

— Господи, ну неужели так трудно поставить табуретку на место?! — кричала мама и отодвигала ее на десять сантиметров в сторону. Я сжималась от ее крика. Так было всегда. Так будет всю жизнь. Мы будем тщательно убирать квартиру, вытирать пыль, вытряхивать ковры, складывать, а не разбрасывать плед, расставлять подушки, словно солдат, ровным строем на диване. Шторы будут висеть складочка к складочке, стулья стоять строго на своих местах. Наверное, стоило на полу белым мелом очертить эти места, как покойников, чтобы никогда не ошибаться. Я всегда ошибалась. Я буду пальцами убирать невидимые крошки со стола и следить, чтобы вокруг умывальника не было воды, даже маленькой капельки. Уже в четыре года я лихо вытирала пыль, мыла полы. Я боялась, что мама будет ругать меня. И она всегда ругала. Заберет меня из садика, мы придем домой, поужинаем. Я выйду из-за стола, забуду отодвинуть стул. Она кричит. Я плачу. Вечер безнадежно испорчен.

Потом, спустя часа два, мама придет, обнимет меня. Начнет плакать и просить прощения. Я стану возиться с игрушками, она сядет в старое кресло и начнет шить. Уколетса иголкой, выругается. А сама на телефон поглядывает. Позвонит, не позвонит? Новый роман: тощий психолог с вечно сальными волосами. Видела его пару раз. Меня мутило от него, от нее. Наперед знала, что он ходит так с месяц, а потом пропадет. Вот и сидит, ждет, что